

УДК 81:94(497.6)

О. Н. Новикова

ЯЗЫК КАК ФАКТОР И СРЕДСТВО НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В представленной статье рассматривается специфика развития этнолингвистических отношений в Боснии и Герцеговине в различные исторические периоды. В настоящее время, в период стремления мирового сообщества к унификации экономического и культурного развития стран и регионов и активизацией процессов противоположного характера (обострения чувства национального самосознания и национальной идентичности), вопрос о факторах и средствах национальной идентичности является крайне актуальным. В статье доказывается влияние внутренних и внешних факторов на формирование национальной идентичности населения Боснии и Герцеговины. Внутренними факторами генетического, религиозного, культурного и языкового самоопределения можно назвать сложную этнорелигиозную картину Боснии и Герцеговины, различия в социально-экономическом и культурном развитии отдельных

территорий и этнических групп. К внешним факторам относится влияние инокультурных традиций различных государств (Османской империи, Австро-Венгрии и др.), которое Босния и Герцеговина испытывала в различные периоды своей истории. Автор приходит к выводу, что население Боснии и Герцеговины воспринимает язык как один из основных маркеров идентичности. Стремление различных этнических групп к национальной идентификации посредством обоснования самобытности языка является проявлением так называемого лингворегионализма. Язык в этом регионе является не средством консолидации, а формой этнического противопоставления.

Ключевые слова: нация, национальная идентичность, этноконфессиональные группы, лингвокультурное самоопределение, сербохорватский и хорватско-сербский языки, боснийский язык, лингворегионализм.

O. Novikova

LANGUAGE AS A FACTOR AND MEANS OF NATIONAL IDENTITY OF THE POPULATION OF BOSNIA AND HERZEGOVINA: HISTORY AND MODERN TIME

The article deals with the specifics of the development of ethno-linguistic relations in Bosnia and Herzegovina in different historical periods. At present, in the period of aspiration of the world community for unification of economic and cultural development of countries and regions and activation of processes of the opposite character (aggravation of sense of national consciousness and national identity), the question of factors and means of national identity is actual. The article proves the influence of internal and external factors on the formation of national identity of the population of Bosnia and Herzegovina. Internal factors of genetic, religious, cultural and linguistic self-determination include the complex ethno-religious picture of Bosnia and Herzegovina, differences in the socio-economic and cultural development of individual territories and ethnic groups. External factors

include the influence of foreign cultural traditions of different States (the Ottoman Empire, Austria-Hungary, etc.), which Bosnia and Herzegovina experienced in different periods of its history. The author concludes that the population of Bosnia and Herzegovina perceives language as one of the main markers of identity. The aspiration of various ethnic groups to the national identity through the substantiation of the identity of language is a manifestation of the so-called linguoregionalism. The language in this region is not a means of consolidation, but a form of ethnic opposition.

Key words: nation, national identity, ethno-confessional groups, linguocultural self-determination, Serbo-Croatian and Croatian-Serbian languages, Bosnian language, linguoregionalism.

В современном мире одним из доминирующих цивилизационных процессов является глобализация. Стремление мирового сообщества к унификации экономического и культурного развития стран и регионов сопровождается противоположной тенденцией – обострения чувства национального самосознания и национальной идентичности.

Изучение особенностей формирования и сохранения идентичности отдельной нации со-

пряжено с необходимостью решения вопроса о содержании этой категории. В науке пока не существует единого подхода к определению содержания дефиниций «нация» и «идентичность». Нация, как категория социально-гуманитарных наук, традиционно определяется с позиции примордиалистского или конструктивистского подходов. Приверженцы первого идентифицировали нацию на основе ряда признаков: исторически

сложившихся территориальной, экономической, культурной и лингвистической общности [3, с. 19]. Такое понимание нации (как этнополитической категории) доминировало в отечественной науке до конца XX в. [10, с. 12]. Представителями конструктивистского подхода нация понималась как большой коллектив, объединенный на основе фундаментального согласия всех членов.

В работах современных исследователей-примордиалистов наблюдаются попытки уточнения содержания понятия «нация» как категории за счет введения некоторых дополнительных критериев: историческая общность людей, единый внутренний рынок, централизованная государственно-политическая власть, государственный язык [13, с. 17], культурное единство и др. [10, с. 12–13]. Таким образом, в работах ученых не обнаруживается прямая зависимость между основными (объективными) признаками нации и субъективными воззрениями на эту категорию ее представителей.

Конструктивисты базируются на фундаментальном согласии всех членов нации на декларирование объединения людей в нацию на основе политических, экономических и культурных показателей [3, с. 19].

Индивидуальное или групповое осознание себя в качестве представителя той или иной нации происходит в процессе национальной идентификации. Современный британский социолог С. Холл характеризует его как длительное и нестабильное состояние, «подвергающееся игре с историей и игре с различиями» [18, р. 15]. Отнесение себя человеком или группой лиц к конкретной нации является проявлением национальной идентичности. Проявлением национальной идентичности является понимание принадлежности к нации (включенности в нее) или, напротив, отторжения от таковой. В этой связи вполне обоснованными представляются характеристики идентичности: общность (историко-культурная гомогенность нации) и отличность (степень несхожести с другими нациями) [9, с. 154]. Право на проявление национальной идентичности в современной науке понимается как коллективно заявленное право на непохожесть, имеющую собственную модель существования и развития [6, с. 60]. Формирование идентичности происходит в рамках единого вектора национального развития, на пересечении исторической, культурной, социальной и политической сфер. Содержание идентичности включает в себя закрепившиеся особенности национальной культуры, языковые и религиозные традиции, нравственные императивы и пр.

Большое значение в приведенном ряду основных характеристик идентичности играет язык. На Балканах он не раз становился фактором и средством развития межэтнических отношений. Исторически сложилось так, что несколько югославянских народов (сербы, хорваты, боснийские мусульмане (бошняки) и черногорцы) находятся в едином лингвистическом пространстве. Три из

приведенных этнических общностей вот уже на протяжении нескольких столетий составляют основу населения Боснии и Герцеговины. Согласно данным переписи населения, проведенной в этой республике в 2013 г., половину населения составляют боснийские мусульмане (50,11 % от общего числа проживающих – 3 531 159 человек); второе место по численности принадлежит сербам (их проживает в стране более миллиона человек, что составляет 30,78 %); хорватов в Боснии и Герцеговине почти 550 тысяч человек (15,43 %) [15]. Незначительными в численном отношении этническими группами являются русины, украинцы и другие.

Схожая этническая картина отмечается и в предшествующие периоды исторического развития Боснии и Герцеговины. Численное первенство в различные эпохи принадлежало бошнякам-мусульманам или сербам. Завершало тройку основных этнических групп хорватское население [1, л. 12; 19, с. 675; 12, с. 206].

Босния и Герцеговина в своем развитии прошла несколько крупных этапов: с X по XV вв. эта историческая область находилась в стадии формирования государства, независимого от венгерского и византийского влияния; в XVI в. Босния и Герцеговина была захвачена турками-османами; с 1878 года в течение последующих тридцати лет эти «европейские провинции» Османов находились в статусе оккупированной Австро-Венгрии территории; аннексия 1908 г. изменила положение Боснии и Герцеговины, сделав ее частью Дунайской монархии. После первой мировой войны Босния и Герцеговина поочередно входила в состав Государства словенцев, хорватов и сербов, Королевства сербов, хорватов и словенцев, Королевства Югославия, Независимого Хорватского государства. В 1945 г. Народная республика Босния и Герцеговина была провозглашена частью Федеративной Народной Республики Югославия (ФНРЮ), с 1963 г. – Социалистическая Республика Босния и Герцеговина находилась в Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ). 1992 г. стал для Боснии и Герцеговины переломным: за провозглашением независимости последовала гражданская война, завершившаяся в 1995 г. С этого времени в стране (Республике Босния и Герцеговина) действует Конституция, провозглашающая единое демократическое государство в составе двух образований – Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской.

Более крупные государства, в подчинении которых в различные исторические периоды находилась Босния и Герцеговина, видели свою миссию в «цивилизаторстве» этого региона. С приходом в XV в. в этот регион Османов началась эпоха исламизации Балкан. В Боснии и Герцеговине названная политика реализовывалась посредством переселения сюда турецкого, арабского и кавказского населения. Мигранты оказали серьезное влияние на состояние этнокультурной картины Боснии и Герцеговины.

С начала XVI в. в среде исламизированного славянского населения получила широкое распространение исламская литература «альхамьядо» (совмещение местного языка и арабской письменности) [17, с. 34]. Для части населения Боснии и Герцеговины, исповедующей католицизм, столь мощная волна исламизации стала этномобилизирующим фактором. Францисканский монашеский орден, активно действующий в этом регионе, вел пропаганду в среде южных славян (преимущественно в среде сербохорватских католиков) на так называемом «штокавском» наречии на сербской основе. Францисканские монастыри в Боснии и Герцеговине в XVII в. стали крупными католическими центрами, в которых литературные произведения, несущие слово Божие, стали создаваться на местном языке с учетом диалектного разнообразия [17, с. 31–34].

Распространение в Центральной и Юго-Восточной Европе к началу XIX в. многочисленных диалектов единого для южнославянских народов (сербов, бошняков, хорватов и черногорцев) языка вызывало беспокойство в среде славянских лингвистов. Выход из сложившейся ситуации исследователи видели в искусственном сокращении числа диалектов. По инициативе сербского лингвиста В. С. Караджича и хорватского поэта Л. Гая в 1850 г. в г. Вена прошла встреча крупнейших сербских, хорватских и словенских ученых. Результатом встречи стало подписание Литературного соглашения, закрепившего в качестве основы единого языка восточногерцеговинский вариант штокавского диалекта.

Приведенный пример демонстрирует относительную самостоятельность югославянских народов в решении лингвокультурных вопросов в период османского господства на Балканах. С приходом австро-венгерской оккупационной власти в Боснию и Герцеговину в 1878 г. последняя потеряла право самостоятельно решать принципиальные вопросы. Новая европейская власть резко выделила и свои языковые приоритеты. Подавляющая часть населения провинций была неграмотной, но даже в тех случаях, когда у отдельных лиц появлялась возможность получить элементарное образование, власти давали разрешение под условием, что православные не должны обучаться латинице, а католики и мусульмане – кириллице [4, с. 52]. Во вновь открывшемся офицерском училище обучение велось на двух языках – немецком и сербохорватском. Однако ввиду бурных протестов общественности власти пришлось идти на попятную и объявить о том, что «преподавание в казенных учебных заведениях будет производиться на местном языке, латинскими и кирилловскими буквами» [5, с. 330]. Стоит сказать, что в более поздний период оккупационного правления языком преподавания во всех учебных заведениях без исключения был признан сербохорватский язык. Немецкий язык при этом изучался как обязательный предмет лишь в среднеучебных заведениях [11, с. 313].

К началу XX в. лингвистический вопрос в Боснии и Герцеговине был решен в духе крайнего

либерализма. В целях обеспечения наиболее эффективного единства управления официальным языком правительственных учреждений здесь был признан немецкий. Однако, по утверждению Б. Каллая, осуществляющего управление Боснии и Герцеговины от лица Австро-Венгрии, оккупированные территории населяла особая славянская народность, имеющая свой боснийско-герцеговинский или «земельный» (то есть «местный») язык. Поэтому при общении с местным населением оккупационными властями употреблялся местный – сербохорватский язык. Именно на нем происходили разбирательства во всех судебных инстанциях и велось административное делопроизводство. Публикация правительственных объявлений производилась помимо сербохорватского языка (кириллицы и латиницы) еще и на немецком, а зачастую и на турецком языках. Такое же языковое разнообразие наблюдалось и при выполнении публичных надписей в г. Сараево, г. Мостаре и других городах Боснии и Герцеговины [11, с. 313].

В 1908 г. Босния и Герцеговина была аннексирована Австро-Венгрией. Присоединенным территориям император Франц Иосиф «даровал» в качестве основного закона региональный устав, гарантировавший сохранение местного языка.

Очередной этап в развитии языкового вопроса на территории Боснии и Герцеговины начался во второй половине XX в. В образованной в 1945 г. Федеративной народной республике Югославии было признано равноправие всех проживающих в стране народов и языков. В соответствии с правовой традицией, закрепленной еще в годы войны в многочисленных постановлениях Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АФНОЮ), все документы и правительственное издание «Официальная газета» публиковались на сербском, хорватском, словенском и македонском языках [2, с. 30].

В послевоенный период в Югославии начались активные процессы политической, экономической, культурной интеграции и межэтнической консолидации. В этой связи одной из первоочередных задач перед многонациональным и полилингвистическим обществом стоял выбор единого языка-макропосредника, выступающего средством межэтнической и межкультурной коммуникации. Общегосударственный язык, помимо реализации сугубо прагматичной функции коммуникации, должен был выполнять одну из главных задач, стоящих перед населением Югославии – консолидировать общество на уровне надэтнического сознания.

Центристская концепция развития Югославии нашла свое отражение в языковом вопросе. «Резолюция Новисадского совещания» 1954 г., принятая в качестве итогового документа совещания лингвистов, писателей, журналистов и общественных деятелей страны, провозгласила единство языка сербов, хорватов и черногорцев с сохранением двух норм произношения (экавская и иекавская) и двух алфавитов (кириллицы и латиницы). Решением собравшихся стало сохране-

ние двучастности в названии языка («сербохорватский») [12, с. 212].

Являясь общим для сербов, хорватов, черногорцев и боснийцев-мусульман, язык в строгом понимании не был единой знаковой системой на всей территории распространения. Культурно-историческая и геотническая разобщенность населения Боснии и Герцеговины предопределила наличие нескольких языковых вариантов: западного, используемого преимущественно боснийскими хорватами и восточного, распространенного в среде сербского населения.

С принятием в 1963 г. новой конституции Югославии в стране закрепился новый лингвоним – «сербохорватский / хорваткосербский язык» [8]. При этом, Конституции республик Босния и Герцеговина, Сербия и Черногория официальным языком признавали сербохорватский, а Основной закон республики Хорватия таким образом устанавливал хорваткосербский язык [2, с. 34].

Документально закрепленное лингвистическое равноправие на практике сталкивалось со стремлением представителей различных языковых традиций обосновать и закрепить свое первенство. Так, например, в 1963 г. в г.Белград был издан «Словарь русского и сербохорватского языков» [21]. Авторы-составители Др. Милош и С. Московлевич хорватскую лексику характеризовали как областную, диалектную. Подобный подход к определению языковой иерархии вызвал острую критику со стороны хорватских лингвистов.

В истории югославянских народов нередким было использование лингвистических вопросов в выяснении межэтнических отношений. Съезд славистов, состоявшийся в 1965 г. в г. Сараево, продемонстрировал всю неоднозначность этнолингвистических отношений в Боснии и Герцеговине. Представители хорватского населения, участвующие в работе Съезда, высказали серьезную обеспокоенность происходившими в регионе процессами формирования нового лексического фонда путем укрепления сербкой лексики и вытеснения хорватской (которую используют не только хорваты, но и часть боснийских мусульман - бошняки). Эта позиция нашла свое продолжение в опубликованной год спустя «Декларации о названии и статусе хорватского литературного языка». В документе, который подписали 140 известных хорватских культурных и научных деятелей и 18 научных центров, подчеркивалось отличие хорватского литературного языка от сербского [12, с. 213].

Попытка защитить свой язык, стремление доказать его самобытность является проявлением так называемого лингворегионализма. В Боснии и Герцеговине в основе указанного процесса лежало стремление различных этнических групп к национальной идентификации и возникающие в связи с этим, этнонациональные противоречия. Особенно ярко такие противоречия проявлялись между сербским и хорватским населением: хорваты имели опасения относительно возможной этнической ассимиляции и ограничения своей культурной самобытности; в сербской среде

активно пропагандировалась идея о своем заслуженном лидерстве как наиболее многочисленной этнической группы [2, с. 36].

Выход из сложившейся ситуации виделся в то время в закреплении независимого друг от друга развития сербского и хорватского языков. Такая позиция была обоюдной: вслед за хорватскими лингвистами, Союз писателей Сербии в 1967 г. в газете «Борьба» опубликовал собственную декларацию. Более сорока подписавшихся под ней сербских литераторов призывали к официальному разделению близких, но все же разных, языков. Югославское правительство, напротив, видело в этих предложениях не попытку сгладить этнические противоречия, исключив основной предмет спора, а проявление национализма, стремление подорвать «единство и братство славянских народов» [2, с. 40].

Политика сдерживания центробежных тенденций и искусственного сглаживания процессов национальной идентификации в языковом вопросе Боснии и Герцеговины не принесла ожидаемых результатов. Новисадские договоренности о единстве языка сербов, хорватов и черногорцев на практике не реализовывались: оставались серьезные расхождения вправилах сербского и хорватского правописания; в стране, по-прежнему, не было языковой терпимости и лояльности.

Неудачи языковой политики второй половины XX в. могут объясняться недооцениванием центральной властью Югославии влияния общих тенденций политического, социально-экономического и культурного развития отдельных территорий и этнических групп страны на языковое развитие. Унификации языка препятствовали объективные процессы внутригосударственной дезинтеграции [2, с. 42].

После провозглашения в 1992 г. Боснией и Герцеговиной своего суверенитета, в уже независимом государстве обострение межэтнических отношений достигло своего пика и привело к началу Боснийской войны. Созданная не по этническому принципу, а по историко-географическому, Босния и Герцеговина после распада Югославии в 1992 г. тоже стала на путь разделения из-за стремления боснийских сербов и хорватов объединиться с «материнскими» государствами – Сербией и Хорватией. Имеющие на тот момент численное превосходство боснийские мусульмане (бошняки) добивались сохранения единства Боснии и Герцеговины [12, с. 205–206].

Продолжавшийся более трех лет вооруженный конфликт удалось прекратить лишь в 1995 г. подписанием Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине (Дейтонские соглашения) [14]. Нормы этого документа заложили основу конституционного устройства Боснии и Герцеговины как единого государства в существующих сейчас границах со столицей в г. Сараево. Помимо вопросов мирного урегулирования межэтнического конфликта и стабилизации жизни в регионе, разработчики соглашений попытались решить и достаточно острый лингвистический вопрос. Достижение баланса в межэтнических отношениях

виделось возможным лишь при условии принятия и учета политического и культурного равноправия всех проживающих в стране этноконфессиональных групп. С этой целью в Дейтонские соглашения была включена статья XI, указывающая на правовую равнозначность всех текстов документа, подписанного на боснийском, сербском и хорватском языках [7]. Введение в международный оборот нового югославянского языка (боснийского), по-видимому, должно было юридически подтвердить этническую идентичность боснийских мусульман.

В Конституции Боснии и Герцеговины 1995 г языковому вопросу отдельное внимание не уделяется. Однако публикация ее текста на трех языках (боснийском, хорватском и сербском) демонстрирует стремление к сохранению политического и культурного баланса в стране. Административные единицы – энтитеты современной Боснии и Герцеговины (Федерация Боснии и Герцеговины и Республика Сербская) в собственных конституциях отдельно закрепили нормы языковой политики. Так ст. 7 Конституции Республики Сербской провозглашает в качестве официальных языков сербский, бошняцкий (не «боснийский») как в тексте Дейтонских соглашений) и хорватский. В отношении письменности были утверждены традиционно распространенные здесь две нормы: кириллица и латиница. В территориях компактного проживания иных языковых групп Основной закон республики закрепил право служебного использования языков и письменности этих народов [16].

Конституция Федерации Боснии и Герцеговины, принятая в 1994 г., закрепила в своей территории всего два языка (босанский и хорватский) и одну письменность – латиницу. В ст. 6 документа, регламентирующей языковой вопрос, о сербском языке не было даже упоминания. Возможно, он причислялся авторами Конституции к «другим языкам», определяемым в качестве служебных для коммуникации и в образовании [20]. Принятые в 2002 г. поправки к этому основному документу республики ввели в официальное употребление три языка и два алфавита. Годом позже общегосударственный закон о защите прав представителей национальных меньшинств гарантировал право последним использовать собственные языки. Последовавшие за этим законы энтитетов Боснии и Герцеговины уточнили область реализации этих прав национальными меньшинствами, установив, что, представляя абсолютное или относительное большинство среди населения отдельных территорий, национальные

меньшинства могут пользоваться своим языком при обращении в государственные органы, а также в топографических и иных надписях [12, с. 211].

В законодательстве современной Боснии и Герцеговины языковая «троичность» постепенно становится нормой. Спорным остается лишь вопрос о названии языка. И здесь причина разногласий кроется не в лингвистических противоречиях, а политических. По мнению специалистов, население страны говорит на штокавском диалекте единого югославянского языка, при котором территориальные грамматические и лексические различия редки и не носят принципиального характера. Это позволяет в качестве возможного решения многолетних споров относительно названия языка предложить новый лингвоним «боснийско-герцеговинский язык». Однако ни боснийские сербы, ни хорваты этой страны не видят необходимости в переименовании своих родных языков.

Существующие культурные барьеры между представителями различных этноконфессиональных групп, отсутствие распространенной практики заключения смешанных браков и получение образования по этническому принципу только усугубляет процесс разделения языков. Кроме того, намеренное внедрение в разговорную речь новых слов, локализмов, тюркизмов и архаизмов стало нормой для современных лингвистических процессов в этой стране.

Таким образом, сложный процесс национальной идентификации населения Боснии и Герцеговины, включающий в себя генетическое, религиозное, культурное и языковое самоопределение, на протяжении многих веков происходил под влиянием ряда внутренних и внешних факторов. К внутренним, в первую очередь относится сложная этнорелигиозная картина Боснии и Герцеговины, различия в социально-экономическом и культурном развитии отдельных территорий и этнических групп. К внешним следует отнести влияние инокультурных традиций различных государств (Османской империи, Австро-Венгрии и др.), которое Босния и Герцеговина испытывала в различные периоды своей истории. Отмечаемые в последнее время тенденции к увеличению различий в языках все дальше отодвигают решение языковой проблемы. Население Боснии и Герцеговины, еще недавно воюющее друг против друга, воспринимает язык как один из основных маркеров идентичности. Сегодня он выступает не средством консолидации, а формой этнического противопоставления.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской империи. Главный Архив. У-А2. Оп. 181. Д.830.
2. Багдасаров А. Р. История развития сербо-хорватских этноязыковых отношений (1940–1990-е гг. XX в.) // Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 30–49.
3. Батырев Д. Н. Нация и идентичность: к проблеме определения понятий // Новые технологии. Сборник научных трудов МГТУ. Вып. 3. Майкоп, 2007. С. 19–22.
4. Виноградов К. Б. Боснийский кризис 1908–1909 гг. как пролог первой мировой войны. Л.: Издательство ЛГУ, 1964. 159 с.

5. Вяземская Е. К. Босния и Герцеговина: ее место и роль в европейских конфликтах начала XX века // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. / под ред. В. Н. Виноградова, В. И. Косика и др. М.: Индрик, 2003. 544 с.: ил.
6. Исайкин Д. М. К вопросу о праве народов на национальную идентичность // Социально-политические науки. 2012. №3. С. 60–62.
7. Конституция Боснии и Герцеговины // Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине // Генеральная Ассамблея. Пятидесятая сессия. Пункт 28 повестки дня. Ситуация в Боснии и Герцеговине. А 50/790. S 1995/999. 30 ноября 1995 г. 135 с. URL: <https://undocs.org/ru/A/50/790> (Дата обращения: 25.04.2019)
8. Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославии: (принята Союзной Народной Скупщиной 7 апреля 1963 г.) / пер. с серб.-хорват. Д. А. Севьяна. М.: Юридическая литература, 1966. 168 с.
9. Кочетков В. В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Сер. 18. 2012. No. 3. С. 144–152.
10. Кузнецова Е. В. Этнос и нация: концепции национальной идентичности // Перспективы науки и образования. 2015. №3. С. 9–16.
11. Лапшин. Письмо из Босно-Герцеговины // Русский вестник. 1901. №9. С. 313.
12. Мартынова М. Ю. Босния и Герцеговина: коллизии идентичностей // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 384 с.
13. Махаматов Т. М. Объективные основания национальной идентичности как самопознания // Вопросы национальной идентичности в контексте глобализации: сб. науч. ст. М.: Проспект, 2014. 236 с.
14. Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине // Генеральная Ассамблея. Пятидесятая сессия. Пункт 28 повестки дня. Ситуация в Боснии и Герцеговине. А 50/790. S 1995/999. 30 ноября 1995 г. 135 с. URL: <https://undocs.org/ru/A/50/790> (Дата обращения: 25.04.2019)
15. Пивоваренко А. Политическая статистика Боснии и Герцеговины // Российский совет по международным делам URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/southeasteurope/politicheskaya-statistika-bosnii-i-gercsegoviny/> (Дата обращения: 25.04.2019)
16. Устав Републике Српске // (Службени гласник Републике Српске. Број 21/92 – пречишћени текст, 28/94, 8/96, 13/96, 15/96, 16/96, 21/96, 21/02, 26/02, 30/02, 31/02, 69/02, 31/03, 98/03, 115/05, 117/05, 48/11. URL: https://docviewer.yandex.ru/ustav_republike_srpske_pdf (Дата обращения: 25.04.2019).
17. Чигоя Б., Станишич В. Несколько замечаний о кириллической письменности боснийских францисканских писателей XVII в. // Коммуникология. 2017. Т.5. №1. С. 31–49.
18. Hall S. Ethnicity: identity and Difference // Radical America. 1989. №23(4). P.9–20.
19. Palairt M. The muslims of the Habsburgs monarchie. N-Y, 1989. 708 p.
20. Ustav Federacije Bosne i Hercegovine. 30. ožujka 1994. Godine. [Электронный ресурс]. URL: <http://shp.bizhat.com/Ustavfbih.html>. (Дата обращения: 25.04.2019)
21. Милош Др., Московљевић С. Речник руског и српскохрватског језика. Белград: Научна књига, 1963. 757 с.

References

1. Archive of Foreign Policy of Russian Empire. Glavny'j Arxiv. Y-A2. Inv. 181. D. 830. L. 12. (In Russian).
2. Bagdasarov A. R. Istorija razvitiya serbo-xorvatskix e'tnoazy'kovy'x otnoshenij (1940–1990-e gg. XX v.) (*History of development of Serbo-Croatian ethno-linguistic relations (1940–1990s of XX century)*) // Slavianski Vestnik. Issue. 2. Moscow: MAX Press, 2004. P.30–49. (In Russian).
3. Batyrev D. N. Naciya i identichnost': k probleme opredeleniya ponyatij (*Nation and identity: the problem of definition*) // New technologies. Collection of scientific works MSTU. Issue. 3. Maykop, 2007. P.19–22. (In Russian).
4. Vinogradov K. B. Bosniskij krizis 1908–1909 gg. kak prolog pervoj mirovoj vojny' (*Bosnian crisis of 1908–1909 as a prologue of the First World War*). L.: Publishing house Leningrad state University, 1964. 159 p. (In Russian).
5. Vyazemskaya E. K. Bosniya i Gercegovina: ee mesto i rol' v evropejskix konfliktax nachala XX veka (*Bosnia and Herzegovina: its place and role in the European conflicts of the early twentieth century*) // In the «powder cellar of Europe». 1878–1914. / ed by V. N. Vinogradov, V.I. Kosik and others, Moscow: Indrik, 2003. 544 p. (In Russian).
6. Isaykin D. M. K voprosu o prave narodov na nacional'nyu identichnost' (*On the issue of the peoples's right to national identity*) // Social and political Sciences. 2012. No 3. P.60 – 62. (In Russian).
7. Konstituciya Bosnii i Gercegoviny' (*The Constitution of Bosnia and Herzegovina*) // General framework agreement for peace in Bosnia and Herzegovina // General Assembly. Fiftieth session. Agenda item 28. The situation in Bosnia and Herzegovina. A 50/790. S 1995/999. November 30, 1995 135 p. URL: <https://undocs.org/ru/A/50/790> (Accessed: 25.04.2019) (In Russian).
8. Konstituciya Socialisticheskoy Federativnoj Respubliki Jugoslavii: (prinyata Soyuznoj Narodnoj Skupshhinoj 7 aprelya 1963 g.) (*The Constitution of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia (adopted by the Federal people's Assembly April 7, 1963)*. with Serb.-Croat. D.A. Saviana. Moscow: Legal literature, 1966. 168 p. (In Russian).
9. Kochetkov V. V. Nacional'naya i e'tnicheskaya identichnost' v sovremennom mire (*National and ethnic identity in the modern world*) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria. 18. 2012. No.3. P.144–152. (In Russian).
10. Kuznetsova E. V. E'tnos i naciya: koncepcii nacional'noj identichnosti (*Ethnos and nation: concepts of national identity*) // Prospects of science and education. 2015. No.3. P.9–16. (In Russian).
11. Lapshin. Pis'mo iz Bosno-Gercegoviny' (*Letter from Bosnia-Herzegovina*) // Russian Herald. 1901. No.9. P.313. (In Russian).
12. Martynova M. Yu. Marty'nova M. Yu. Bosniya i Gercegovina: kollizii identichnostej (*Bosnia and Herzegovina: identity conflicts*) // Cultural complexity of modern Nations / edited by V. A. Tishkov, E. Filippova, Institute of Ethnology and anthropology. N.N. Miklukho-Maclay ran. Moscow: Political encyclopedia, 2016. 384 p. (In Russian).

13. Makhmatov T. M. Ob`ektivny`e osnovaniya nacional'noj identichnosti kak samopoznaniya (*Objective basis of the national identity as self-knowledge*) // Questions of national identity in the context of globalization: collection of scientific works. art. Moscow: Prospect, 2014. 236 p. (In Russian).
14. Obshhee ramochnoe soglasenie o mire v Bosnii i Gercegovine (*General framework agreement for peace in Bosnia and Herzegovina*) // General Assembly. Fiftieth session. Agenda item 28. The situation in Bosnia and Herzegovina. A/50/790. S 1995/999. November 30, 1995 135 p. URL: <https://undocs.org/ru/A/50/790> (Accessed: 25.04.2019) (In Russian).
15. Pivovarenko A. Politicheskaya statistika Bosnii i Gercegoviny` (*Political statistics of Bosnia and Herzegovina*) // Russian Council for international Affairs URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/southeasteurope/politicheskaya-statistika-bosnii-i-gercegoviny/> (Accessed: 25.04.2019) (In Russian).
16. Ustav Republike Srpske (*Constitution of the Republika Srpska*) // (Official Gazette of the Republika Srpska. Number 21/92 – cleared text, 28/94, 8/96, 13/96, 15/96, 16/96, 21/96, 21/02, 26/02, 30/02, 31/02, 69/02, 31/03, 98/03, 115/05, 117/05, 48/11. URL: https://docviewer.yandex.ru/ustav_republike_srpske_pdf (Accessed: 25.04.2019). (In Russian).
17. Cigoja B., Stanisic, V. Neskol'ko zamechanij o kirillicheskoj pis'mennosti bosnijskix franciskanskix pisatelej XVII v. (*Some remarks on the Cyrillic alphabet, the Bosnian Franciscan writers of the XVII century*) // Communicology. 2017. Vol.5. No.1. P.31–49. (In Russian).
18. Hall S. Ethnicity: identity and Difference // Radical America. 1989. No. 23(4). P.9–20.
19. Palaiet M. The muslims of the Habsburgs monarche. N-Y, 1989. 708 p.
20. Ustav Federacije Bosne i Hercegovine. 30. ozujka 1994. Godine. [Electronic resource.] URL: <http://shp.bizhat.com/Ustavfbih.html> (Accessed: 25.04.2019)
21. Milos Dr., Moskovy S. Rechnik ruskog i srpskoхrvatskog jezika (*Boatman of Russian and Serbo-Croatian Utica*). Belgrade: Nauchna kigaiga, 1963. 757 p.

Информация об авторе

Новикова Оксана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических дисциплин и методики их преподавания Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь) / novikovaon@mail.ru

Information about the author

Nivikova Oksana – PhD in History, Associate Professor, Chair of Historical Disciplines and Methods of Teaching, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / novikovaon@mail.ru